

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2018.1.11

Информатизация и тенденции развития общества XXI века

А. В. КОСТИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В XXI в. целый ряд трендов развития мирового сообщества является потенциально конфликтным. Стремительно развиваются новейшие технологии в области коммуникаций, в медицине, сельском хозяйстве, промышленности, охране окружающей среды. Информационное общество породило череду абсолютно новых феноменов — как позитивных, так и негативных, анализу которых посвящена данная статья.

Развитие технологий в разных сферах активно влияет на человека, общество и культуру. Социокультурные отношения в новом типе общества информационной эры включают в себя совокупность разнонаправленных тенденций. Увеличивается социальное равенство — вследствие открытости информации как основного ресурса информационного общества. Формируется феномен цифрового неравенства — вследствие затрудненности доступа к знанию: уменьшаются связи в обществе, опирающемся на сетевой принцип, социальный лифтинг оказывается чрезвычайно затруднительным. Общество становится предельно рациональным, но при этом в огромном количестве расцветают мистические течения, становится очевидной мифологизация сознания общества. Культура выступает как инновативная, но также актуализируется опыт традиционных общественных структур. Все это свидетельствует о сложности современных социальных процессов, о нелинейности общественного развития в целом и современного в частности. Жить в таком обществе достаточно трудно, но знание его основных особенностей позволяет использовать эту сложность не только для индивидуального, но и для общего развития.

Ключевые слова: глобальное развитие; технологии; виртуализация; социальное развитие; глобальные проблемы; информационное неравенство; мифологизация; новое Средневековье

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. целый ряд трендов развития мирового сообщества является потенциально конфликтным. Важно, что в этих трендах одно из ведущих мест занимает позиция, связанная со стремительным ростом технологий, которые вскоре станут основой революции на глобальном рынке — мобильных интернет-технологий, нанотехнологий, прорывов в генетике. Особое место здесь занимает 3D-печать; темпы роста продаж промышленных 3D-принтеров до 2020 г. составят 164% ежегодно, по данным IDC (Седых, 2017: Электронный ресурс). Совокупные затраты на 3D-печать вырастут с 11 млрд долл. в 2015 г. до 27 млрд долл. в 2019 г. (темп роста — 127% ежегодно) (там же). Это обусловлено универсальностью применения

данной технологии как в ювелирном деле и промышленности, так и в медицине и прежде всего в печати органов для трансплантации. В ближайшем будущем ожидается распространение 4D-печати, позволяющей проектировать объекты, «изменяющие свою форму или функции с течением времени или в соответствии с изменениями окружающей среды» (Корганбаев, 2016: Электронный ресурс).

Изменяют ли эти трансформации социальную жизнь? Информационное общество породило целую череду абсолютно новых феноменов — как позитивных, так и негативных. Теоретики постиндустриального и информационного общества в качестве основных принципов функционирования этих типов общества всегда называли справедливость и увеличение возможностей индивидуального и личностного развития для каждого человека. На чем строилось такое понимание процессов? На том бесспорном факте, что основу этих типов общества составляют знания и информация, которые как ресурсы являются неисчерпаемыми, что, соответственно, делает ненужной конкурентную борьбу за обладание ими. Каждый может найти ту нишу, которая соответствует его стремлениям, и начать развивать свое направление. Безупречный тезис о неисчерпаемости информации привел, однако, исследователей к неверным выводам о том, что неисчерпаемость равнозначна общедоступности.

ИНФОРМАЦИЯ И ЗНАНИЕ КАК ФАКТОРЫ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Вопреки ожиданиям практика показала, что знание по-прежнему остается достаточно закрытой сферой, доступной только тем, кто имеет достаточное образование для его усвоения и развития. Именно поэтому образовательный уровень в информационном обществе в большой степени начинает определять и социальный статус. По мнению филиппинского исследователя Р. Версола, высшее сословие наиболее богатых граждан — это «сословие киберлордов». «Киберлорды — это класс собственников в информационном секторе. Они контролируют либо сам массив информации, либо материальную инфраструктуру, необходимую для ее создания, распространения и использования. Киберлорды — это капиталистический класс, живущий за счет ренты» (Verzola, 1997: Электронный ресурс).

Эту позицию разделяет и известный исследователь информационного общества М. Кастельс, говорящий о верхушке общества и международной элите как о тех, кто «подключен к сетям и потокам» в Глобальной паутине (Кастельс, 1999: 494–495).

Практика показывает, что тотальная информатизация не приводит к устранению низкоквалифицированного труда, — и в информационном обществе существенным остается сектор экономики, где ручной труд требуется. Кроме того, есть еще один аспект: новейшие открытия в коммуникациях, биологии, геномной инженерии, когнитивной науке, фармакологии сделают грань между натуральным в человеке и искусственным проницаемой. Обладать улучшенными физиологическими качествами станет престижно, но в связи с дороговизной этих новейших технологий они останутся недоступными для большинства людей. И это приведет не только к цифровому неравенству и усилению социальной сегрегации, но и к «резким внутренним и международным столкновениям по поводу этики и последствий изменения генофонда» (Корганбаев, 2016: Электронный ресурс).

Все это рождает массу вопросов, которые учитываются в документах, связанных с вхождением России в информационное общество. Еще в 1999 г. была разработана и одобрена решением Государственной комиссии по информатизации при Государственном комитете Российской Федерации по связи и информатизации Концепция формирования информационного общества в России. Цель документа — определить наиболее оптимальный способ построения в России информационного общества и выработать государственную политику для обеспечения реализации этого проекта. В концепции формулируются политические, социально-экономические, культурные и технико-технологические предпосылки и условия этого перехода и обосновывается специфика российского пути к информационному обществу. Указывается, что «использование материальных и духовных благ информационной цивилизации может обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности», что «Россия должна войти в семью технологически и экономически развитых стран на правах полноценного участника мирового цивилизационного развития с сохранением политической независимости, национальной самобытности и культурных традиций, с развитым гражданским обществом и правовым государством» (Концепция формирования ... : Электронный ресурс).

Основные показатели использования информационных и коммуникационных технологий позволяют говорить о том, что в России эта сфера стремительно развивается. Данные официальной статистики об использовании сети Интернет населением за 2016 г., основанные на материалах выборочных обследований и показанные в таблице (с. 146), свидетельствуют о том, что Интернет используется достаточно активно.

В концепции дается прогноз относительно того, что формирование основных черт и признаков информационного общества в России при стабильных социально-политических условиях и глубоких экономических преобразованиях в основных чертах осуществится в первой четверти XXI столетия. В документе выделяются и рассматриваются следующие характерные черты и признаки информационного общества:

— формирование единого информационно-коммуникационного пространства России как части мирового информационного пространства, полноправное участие России в процессах информационной и экономической интеграции регионов, стран и народов;

— становление и в последующем доминирование в экономике новых технологических укладов, базирующихся на массовом использовании перспективных информационных технологий, средств вычислительной техники и телекоммуникаций;

— создание и развитие рынка информации и знаний как факторов производства в дополнение к рынкам природных ресурсов, труда и капитала, переход информационных ресурсов общества в реальные ресурсы социально-экономического развития, фактическое удовлетворение потребностей общества в информационных продуктах и услугах;

— возрастание роли информационно-коммуникационной инфраструктуры в системе общественного производства;

— повышение уровня образования, научно-технического и культурного развития за счет расширения возможностей систем информационного обмена на между-

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ, %
THE USE OF THE INTERNET BY THE POPULATION OF RUSSIA, %

	Население в возрасте 15–72 лет — всего			В том числе проживающие					
				в городской местности			в сельской местности		
Население, использовавшее сеть Интернет (% от общей численности населения в возрасте 15–72 лет): в течение последних трех месяцев	64,0	67,2	70,1	69,4	71,8	74,1	48,1	53,5	58,1
никогда не использовали	28,6	25,9	22,3	23,5	21,3	18,3	43,8	39,6	34,5
Места использования населением сети Интернет за последние три месяца (% от общей численности населения в возрасте 15–72 лет, использовавшего сеть Интернет за последние три месяца):									
дома	92,4	93,9	94,7	93,8	95,1	95,7	86,4	89,0	90,8
на работе	28,8	29,9	32,7	30,2	31,9	34,7	22,6	21,9	25,4
по месту учебы	7,6	8,2	8,6	7,4	8,1	8,4	8,5	8,7	9,1
у друзей, знакомых	10,9	10,6	11,7	10,6	10,7	11,8	12,2	10,3	11,3
в точках общественного доступа (в гостиницах, аэропортах, общественных местах и т. д.)	5,6	7,9	10,6	6,3	9,1	12,1	2,5	3,1	4,7

Источник: Россия в цифрах, 2016: 335.

народном, национальном и региональном уровнях и, соответственно, повышение роли квалификации, профессионализма и способностей к творчеству как важнейших характеристик услуг труда;

— создание эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных институтов на свободное получение, распространение и использование информации как важнейшего условия демократического развития (там же).

Минэкономразвития РФ представило Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., в котором рассматриваются три сценария социально-экономического развития России в долгосрочной перспективе: инновационный, форсированный и консервативный (Прогноз долгосрочного ... : Электронный ресурс). Прогноз в рамках инновационного сценария предполагает существенное увеличение доли сектора экономики знаний и высоких технологий в ВВП наряду с модернизацией энергосырьевого комплекса. Целевой (форсированный) сценарий разработан на базе инновационного сценария,

при этом он характеризуется ускоренными темпами роста, что существенно повышает сложность управления всеми процессами в рамках экономики и государства в целом. Но в любом случае и инновационный, и целевой сценарии опираются на интенсивное развитие высоких технологий и цифровой экономики.

Вместе с тем, несмотря на значительные успехи России на пути вхождения в информационное общество, проблема цифрового неравенства, проявляющаяся в затрудненном доступе к информационным технологиям и неготовности использовать информационные сетевые ресурсы, в нашей стране, как и в большинстве западных стран, не решена. По мнению исследователей, этот феномен имеет социальную природу, он обусловлен «противоречиями развития традиционных сфер деятельности людей, государственным устройством, экономическими и политическими отношениями; развитием уровня образования и культуры, жизни населения, состоянием институтов гражданского общества, степенью развитости средств массовой информации» (Коротков: Электронный ресурс).

Характерно, что цифровое неравенство преодолевается не только с помощью повышения уровня благосостояния населения с целью увеличения возможностей приобретения дорогостоящих информационных технологий, не только с повышением уровня образования, но и с изменением самой ментальности граждан, с настроенностью на инновации и их использование в трудовой сфере, в производстве и в бизнесе. И конечно, необходима целенаправленная и продуманная политика государства, направленная, в том числе, на интенсивное внедрение элементов электронного правительства в формы взаимодействия граждан и органов власти, осуществляющих управление с помощью информационных технологий.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА: ОБЪЕДИНЕНИЕ МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ПО СЕТЕВОМУ ПРИНЦИПУ

В индустриальном и постиндустриальном обществе — по сравнению с обществом традиционным, доиндустриальным — социальная структура существенно изменяется. Средневековое общество в социальном плане было достаточно монолитным, у каждого сословия было четко определенное положение, общественные права и обязанности. Сословный принцип разделения общества в условиях развития индустриальной сферы сменяется классовым, а в ситуации постиндустриальной — субкультурным¹. Сетевой же принцип становится основным в информационном обществе, и это сказывается не только в сфере управления, тяготеющего к децентрализации, и организационных стратегий, где делается опора на альтернативные решения, но и в сфере социальной, приобретающей черты сетевой структуры с невыраженной централизацией. Эта ситуация в социальной сфере начала складываться в 60-е годы XX в. Причиной этому была снова трансформация общественных отношений и смена индустриальных отношений постиндустриальными. Самой главной чертой постиндустриального общества стало изменение источника общественного богатства. Им становится не труд и капитал, а знание и информация. Но для нас более важно иное — в постиндустриальном мире начала формироваться социальная структура, построенная на принципиально иных основаниях. Если индустриальное общество опиралось на значительные массы людей, занятых в крупномасштабном производстве, то в постиндустриальном обществе начинает доминировать принцип диверсификации — рассредоточения крупных масс на группы. Изменяется и сам

характер труда — наиболее значимым производственным ресурсом становится информация, поэтому и основная деятельность оказывается связанной со сложными производствами, требующими высокой квалификации и длительной подготовки. Диверсификации общества способствует и расширение сферы услуг, в которой задействованы по преимуществу небольшие коллективы, часто семейные.

Кроме того, обеспеченность основными товарами первой (и «второй») необходимости приводит к стремлению вызвать покупательскую активность, связанную с потреблением индивидуальных товаров и услуг — от партий одежды, где все изделия имеют какую-либо особенность и присвоенный номер, и индивидуальных туров до дружественного интерфейса, направленного на взаимосвязь и прямое общение человека и компьютера, при включении приветствующего пользователя по имени, ориентирующегося во времени суток (от «Доброго утра!» до «Доброго вечера!»), знающего любимые словечки «хозяина» и т. д. и т. п.

Наконец, есть еще один фактор развития постиндустриального (позже — информационного) общества, выступающий как следствие развития информационной сферы. Это естественное увеличение времени, затраченного на образование, и — вследствие раннего пенсионного возраста — сокращение времени собственно трудовой деятельности. В данном типе общества проблемы голода, болезней, нищеты, имущественного беспорядка оказываются решенными, и общество может позволить себе поздние браки, ограничение количества детей в семье одним-двумя, долгое неучастие молодых людей в материальном производстве и увеличение периода социального взросления с 17–18 лет до 24–25, связанное с тем, что овладение необходимым объемом знаний требует значительного времени.

Здесь можно выделить еще одну важную тенденцию — старение населения в развитых странах². Согласно прогнозам ведущих аналитических центров мира в ближайшем будущем «возраст среднего японца будет 52,4 года, немца — 49,6, поляка — 48,2» (Каким будет ... : Электронный ресурс), причем за следующие полтора-два десятилетия население планеты увеличится на 20%. Иными словами, число людей на Земле в возрасте более 60 лет возрастет до 2 млрд. При этом «Китай теряет 25% рабочей силы, а Греция, Португалия и Германия лишатся приблизительно 20%» (там же)³.

Итак, поскольку при постиндустриализме основные проблемы оказываются разрешенными, постольку экономически общество может себе позволить содержать за счет имеющихся ресурсов достаточно большую свою часть, не участвующую в производстве и состоящую из студентов, пенсионеров, временно неработающих, нетрудоспособных, занятых неполный рабочий день, находящихся в отпуске по уходу за ребенком и т. д. и т. п. Однако для нас важно другое — то, что представители этих групп (конечно, в большей степени, молодежь) образуют малые социальные группы, достаточно дифференцированные по основаниям выделения. Они и образуют структуру, подобную сетевой, — лишенную иерархичности, чрезвычайно непостоянную и подвижную. Причем дело даже не в том, что подобных групп становится больше. Их особенность заключается в том, что они впервые начинают не только дополнять основные ценности доминирующей официальной культуры, но и противостоять им. Их представители чувствуют себя достаточно автономными от легитимных ценностей и начинают создавать свои собственные «малые культурные сообщества» с определенным набором характеристик.

В 1960-е годы в западном постиндустриальном мире эти сообщества отличались крайней противоречивостью, сочетанием мягкости и жестокости, пацифизма и воинствующей агрессивности, принципиальной аполитичности и непосредственной причастности к революционной борьбе, протеста против тотального влияния государства на личность и принятия системы сталинизма (Collier, Horovitz, 1989). На Западе эти социальные группы в 1960-е годы получили обозначение контркультурных объединений, а термины «underground» и «subterranean culture» (культура подземелья), характерные для западного исследовательского дискурса, позже сменились концепцией life styles (жизненных стилей).

В России молодежное движение 1980-х рассматривалось как движение «неформалов», обладающих всеми признаками субкультуры, в том числе специфическим творчеством. В начале же XXI в. этих социальных сообществ стало чрезвычайно много — это и профессиональные сообщества, и группы «по интересам», и чисто «сетевые», а также возрастные, гендерные и прочие, которые в любом социуме существуют и обладают своей спецификой. Речь не о том, что в обществе имеются эти сообщества, а о том, что их становится чрезвычайно много, они обладают различной устойчивостью и, соответственно, сроком развития, разной функциональностью и телеологией. И это соответствует тем тенденциям, которые атрибутивны именно информационному обществу.

Перечисленные факторы приводят к выводу о том, что все современные общества (т. е. общества, прошедшие или проходящие стадию индустриализма) обладают дифференцированными социальными структурами, образованными согласно не экономическому принципу, а по индивидуальным навыкам и устремлениям, ввиду чего традиционное понятие классов если не заменяется, то существенно дополняется понятием малых социальных групп, а субкультурная концепция уступает место теории жизненных стилей (life styles). Если Э. Тоффлер еще в 1980-е годы рассматривал эту ситуацию как аномалию: «мы — общество, утратившее консенсус... общество, которое не может найти согласия в отношении стандартов поведения, языка или манер, всего, что можно увидеть или услышать» (Тоффлер, 2003: 331), то сегодня становится ясным, что такое положение становится нормой — человек может всю жизнь искать и создавать собственную идентичность.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Такая дифференциация общества и возможности создания новых социальных групп в соответствии с субъективными устремлениями являются, безусловно, положительным фактором. Однако информационное общество отнюдь не снимает социальной напряженности. Напротив, социальное устройство современных, т. е. постиндустриальных и информационных общественных систем, становится все менее демократичным, а классовая динамика существенно замедляется. Это связано прежде всего со стремительным ростом крупного капитала и формированием новой мировой элиты: сегодня 8,4% землян владеют 80% мирового богатства (Каким будет ... : Электронный ресурс).

В этой ситуации надежды на рост социального статуса существенно уменьшаются, самостоятельный выход из своей социальной группы (не субкультурной, а имущественной) становится чрезвычайно затрудненным, общество приобретает черты все большей стабильности, напоминая по своей структуре не классовое, а сослов-

ное. Вряд ли именно это имели в виду все те исследователи, которые говорили о современности как о новом Средневековье, однако именно средневековые социальные структуры напоминают современные общественные системы.

Вполне закономерно, что в современном обществе, как никогда ранее со времен Средневековья, востребованы мифологические образы — они становятся основой сюжетики и символики современной массовой культуры; мифологическое мышление стало вновь востребованным и актуальным.

Эта ситуация стала складываться в 60-е годы XX столетия, когда на экономику, культуру, политику, социальную жизнь стала оказывать непосредственное влияние совокупность признаков, связанная с формированием нового типа общества — постиндустриального или информационного. Как ни парадоксально, но именно эпоха информационного общества стала эпохой конца проекта модерна. Необходимо отметить, что сам термин «модерн» («современный») употребляется начиная с V в. и означает новую христианскую эпоху, сменившую старую, римскую, языческую. Однако в науке принято считать эпохой модерна ту культурную ситуацию, которая была связана с эпохой Просвещения. Главным пафосом Просвещения стало восприятие собственной культуры как новой, основанной на разуме, отказавшейся от оснований прежней средневековой культуры, культивирующей религиозное чувство. Другими словами, культура Нового времени и выступает как культура модерна, которая характеризуется прежде всего рационализмом и историзмом.

Правомерно ли говорить о конце рационализма в эпоху знаний? На первый взгляд такое утверждение достаточно провокативно. Действительно, может ли общество, основанное на знаниях и информации, не быть рациональным? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что претензии к разуму высказывались неоднократно начиная с XIX в. Кризис эпохи Просвещения, спровоцированный поражением Великой Французской буржуазной революции, отмеченный обращением к чувству и отказом от разума, показал главное — реальное существование культуры вступило в явное противоречие с тем ее идеальным образом, где культура понималась как разумная свобода (Межуев: Электронный ресурс).

Однако уже к концу XIX в. стало очевидно, что свобода и разум зиждутся на различных основаниях: если свобода индивидуальна, то разум всеобщ, и ориентация на разум, упование на него могут привести к утрате свободы. Свобода связана с уникальностью личности, она выступает как необходимое условие ее развития; разум же стремится к генерализации и в этом смысле выступает как компонент в большей степени цивилизационный. Разумный человек стал восприниматься как искусственный, идеальный конструкт европейской культуры, достаточно далеко отстоящий от эмпирического индивида. Точно так же — как достаточно локальное образование — стала представляться и европейская культура, которая прежде выступала для образованного европейца воплощением культуры вообще. Именно разум стал препятствием на пути познания множества иных культур, открытых в это время.

Таким образом, основополагающие идеи Просвещения как эпохи модерна — рационализм и историзм — были поставлены под сомнение уже к началу XX в. И несмотря на стремительное развитие научно-технической революции, стремительный рост технологий, сначала в индустриальную, а затем и в постиндустриальную эпоху параллельно развивалась дерационализация сознания, рядом с культу-

рой «физиков» крепла культура «лириков», что позволило Ч.-П. Сноу говорить о «двух культурах». Парадоксально, но именно в 1960-е годы стала расширяться волна «новой религиозности» — в это время исследователи заговорили о новом Средневековье, новой архаике, констатируя переходность и, соответственно, кризисность ситуации и связывая ее — в традициях П. Сорокина — со сменой типа культуры и одновременно кульминацией и завершением сенситивной эпохи (Костина, 2008: 349).

Человек Нового времени, лишившись надежной психологической защиты в лице религии, ощутив свою оторванность от Бога, общины, традиции, делегировал функции, связанные с формированием нуминозного опыта, той культуре, которая обладала мощным потенциалом формирования иллюзорного мира и иллюзорного сознания. Религиозные традиции были разрушены, и мир идеального был воссоздан в мифологических конструктах облегченной массовой культуры. Безусловно, огромное влияние на мифологизацию сознания человека информационной эпохи оказала сетевая культура с ее возможностями создания мира идеального, опирающаяся в большей степени на эмоциональное, а не интеллектуальное постижение идеи, в которой доминирование логического мышления сменилось доминированием мышления эмоционально-мифологического.

Анализируя этот процесс мифологизации сознания в информационную эру, П. Бергер и Т. Лукман приходят к выводу о том, что в сетевой среде схемы типизации, упорядочивающие контакты человека в повседневном общении, утрачивают индивидуальное содержание (Бергер, Лукман, 1995: 59). Границы типизации, приобретающей анонимность, предельно расширяются и наделяются при этом мифологическим содержанием. Анонимность рождает вымысел, который воплощается в аватарах — именах-масках, позволяющих человеку обретать новую самоидентичность, отказываясь от данных природой пола, возраста, расы, этничности и обретенных в культуре ценностной системы, моделей социального взаимодействия, профессии, увлечений.

Сочетание технической модернизации с мифологизацией общества и архаизацией сознания ученые рассматривают как попытку синтеза рациональности науки и мистицизма. Фактически об этом одним из первых заговорил К.-Г. Юнг, показавший, что экстравертность, направленность вовне и активное отношение к миру обеспечили западной цивилизации мощный технологический прорыв. Но рационализация общественной жизни привела к обеднению внутреннего мира человека. Следствием технологического прогресса и овладения миром с помощью науки стали прорывы нуминозного опыта, не поддающиеся контролю. Этот опыт утратил символическое содержание и предельно рационализировался, но сумел воплотиться в коллективных формах (Юнг, 1994: 310–311).

При этом именно массовая культура в той же степени, что и культура традиционная, основанная на тех глубинных представлениях, которые имеют архетипическую и мифологическую природу, начинает восполнять пробел традиционности, который ощущался еще в индустриальную эпоху, а к приходу информационной стал явным. Массовая культура, как и традиционная, начала функционировать как определенный стабилизационный механизм, как коммуникационная система, позволяющая осуществлять эффективную циркуляцию в обществе тех ценностей и смыслов, которые направлены на поддержание его целостности.

Особенности современного мифологического мышления, сформированного также под влиянием тех доминант, которые обозначаются в культурфилософии как постмодернизм, проявляются в том, что сегодня в мифологию превращаются многие феномены современной культуры. Например, история, получающая множественность трактовок, приводящих к формированию феномена «альтернативной истории» (в частности, теории Л. Н. Гумилева применительно к истории Средиземья (придуманного Дж. Р.-Р. Толкиеном) был посвящен доклад Эрандила на Большом толкиеновском семинаре (Эрандил ... : Электронный ресурс)).

Именно постмодерн допустил переосмысление основ классической истории и истории религий, в частности христианства, что свидетельствует об активности в массовом сознании представлений, связанных с язычеством и архаической культурой. Именно постмодерн допустил возможность формирования в духе конструктивизма собственной этнической принадлежности, которая со времен примордиализма рассматривается как нечто незыблемое и изначально заданное. Это подтвердила перепись населения России, показавшая наличие таких племен и народов, как скифы, джедаи, эльфы и хоббиты (Перепись выявила в России ... , 2002: Электронный ресурс), включенных в историю России. Это также подтверждает возможность конструировать свою этническую принадлежность⁴ под идеальный образ.

Мифологизация современной культуры проявляется также в тиражировании гороскопов, открытом размещении различных услуг, связанных с магией, увеличении времени трансляции передач, специализирующихся на темах мистики, и создании таких телеканалов, как Первый мистический и ТВ-3 на российском телевидении, посвященных уфологии, нетрадиционным формам религии. Так, ТВ-3 позиционирует себя как канал, позволяющий «заглянуть за пределы реальности». Все эти тенденции отразились в таком направлении философии, как постмодернизм, который отражает пессимизм и релятивизм духа постмодерна, характеризуется стремлением обращаться к практике «малых дел», идеологическим и ценностным плюрализмом. Все это, действительно, выглядят как уход от традиций классической эпохи, основанной на просветительских идеалах и принципах гуманизма, рационализма и историзма. Иными словами, постмодернизм, во временном измерении одновременный эпохе постиндустриализма и информатизации, основанной на разуме и научном знании, в содержательном отношении стал направлением, достаточно точно отразившим пафос той эпохи, которая пришла на смену модерну и сформировалась «после времени современности».

Важно, что такие на первый взгляд взаимоисключающие процессы, как усиление роли рациональности, необходимой для развития высоких технологий, и иррационализма, отразились в методологии синергетики — науки, методы которой заимствованы из нелинейной неравновесной термодинамики. В рамках синергетики сформировались теории развития в режиме с обострением (blow up), самоорганизации, катастроф, были выдвинуты идеи универсального эволюционизма и коэволюции человека и природы, а также обоснована возможность применения синергетического подхода в теоретической истории. Именно синергетика доказала, что основным фактором развития является случайность, а флуктуации случайного характера становятся основой порядка. Фактически о тех же процессах свидетельствует содержание и постмодернизма, опирающегося на признание множественности и плюрализма как основных принципов познания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из важнейших трендов современности является стремительное развитие новейших технологий как в области коммуникаций, так и в иных сферах — медицине, сельском хозяйстве, промышленности, охране окружающей среды. Эти изменения носят не только технологический характер, но и активно влияют на человека, общество и культуру. Социокультурные отношения в новом типе общества информационной эры включают в себя совокупность разнонаправленных тенденций. С одной стороны, вследствие открытости информации как основного ресурса информационного общества усиливается социальное равенство; с другой — вследствие затрудненности доступа к знанию формируется феномен цифрового неравенства. С одной стороны, в обществе, опирающемся на сетевой принцип, уменьшаются связи, с другой стороны, общество, где социальный лифтинг оказывается чрезвычайно затруднительным, начинает напоминать по своей социальной структуре сословное. С одной стороны, общество становится предельно рациональным, с другой — в огромном количестве расцветают мистические течения, становится очевидной мифологизация сознания общества, активно востребуется объяснительный потенциал нетрадиционных духовных практик. С одной стороны, культура выступает как инновативная, со-временная общественным изменениям, с другой — актуализируется опыт традиционных общественных структур.

Все это свидетельствует, во-первых, о сложности современных социальных процессов, во-вторых, о нелинейности общественного развития в целом и современно-го в частности. Жить в таком обществе достаточно трудно, но знание его основных особенностей позволяет использовать эту сложность не только для индивидуального развития, но и для развития всеобщего, способствующего — насколько это возможно — поддержанию всеобщей гармонии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Субкультура (от англ. *subculture*) понимается здесь как автономное целостное образование внутри господствующей культуры, которое отличается своим стилем жизни и мышлением, набором ценностей, стандартов поведения, характером общения, сленгом.

² Отметим, что эта ситуация приведет и к изменению политики — так, нынешний глобальный экономический кризис вынудил многие национальные правительства поставить вопрос об увеличении пенсионного возраста. Однако количество неработающих людей в западных странах даже в изменившихся экономических условиях достаточно велико, и оно существенно увеличилось по сравнению с 1950–1960 гг. Государства будут вынуждены экономить на тех разделах экономики, которые являются системообразующими, что будет влиять на способность государства к развитию. В свою очередь, неготовность решать эти проблемы в бедных странах приведет к безработице и массовой миграции — уже в 2015 г. в мире насчитывалось около 309 млн переселенцев.

³ Подчеркнем, что одновременно в последние годы обозначается противоположная тенденция — омолаживание населения в отсталых странах: «в бедных странах Африки и Ближнего Востока молодых станет больше — за 18 лет население вырастет вполтину. Средний возраст жителя Нигера будет 15,7 года, иракца — 21,9, афганца — 24,3» (Каким будет ... : Электронный ресурс).

⁴ Еще одним народом, который совсем недавно начал активно проявлять себя, стал народ чудь, образованный несколько лет назад на Севере, в Пинежском районе Архангельской области. Поскольку дославянское население северных и северо-западных российских земель назы-

вали чудью (правда, это наименование было сборным для многих племен, начиная от предков эстонцев и заканчивая предками коми), постольку его современные представители говорят о том, что народ не образовался, а возродился. Вокруг этого самоназвания возникла соответствующая мифология, где чудь была представлена как народ, не желавший креститься и ушедший под землю. Характерно, что автором новой мифологии стал Сергей Григорьев, сотрудник бывшего Министерства по делам национальностей РФ, прибывший в 1999 г. в пинежскую деревню Нюхча (название чудское, переводится как «лебедь»), ставший зачинателем возрождения нового старого народа и избранный на собрании чудской общины деревни Вожем. Жители Нюхчи своими силами создали целое Музейно-историческое общество по изучению народа чудь (Трифонов, 2005: Электронный ресурс).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергер, П., Лукман, Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания : пер. с англ. М. : Медиум. 323 с.

Виртуальные миры для бедных, глобальная депрессия и нашествие бедняков из пустыни (2017) [Электронный ресурс] // Экономические известия. 13 мая. URL: http://news.eizvestia.com/news_technology/full/1305-virtualnye-miry-dlya-bednyx-globalnaya-depressiya-i-nashestvie-bednyakov-iz-pustyni-vosem-trendov-kotorye-vskore-izmenyat-mir (дата обращения: 12.10.2017).

Каким будет «курс выживания» в мире будущего [Электронный ресурс] // [Naopu.ru](http://naopu.ru). URL: <http://naopu.com/2017/05/101062> (дата обращения: 12.10.2017).

Кастельс, М. (1999) Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia. 631 с. С. 494–505.

Концепция формирования информационного общества в России [Электронный ресурс] // Институт развития информационного общества. URL: <http://www.iis.ru/library/riss/> (дата обращения: 12.10.2017).

Корганбаев, Ж. (2016) Экономика будущего. Шесть трендов, которые изменят мир [Электронный ресурс] // ЛитСайт.ру. 19 октября. URL: <http://litsait.ru/proza/yesse-i-stati/yekonomika-buduschego-shest-trendov-kotorye-izmenjat-mir.html> (дата обращения: 12.10.2017).

Коротков, А. В. Цифровое неравенство в процессах стратификации информационного общества [Электронный ресурс] // Информационное общество. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/ВРА/da782ae4eacfb804c325b6fa003edb7b> (дата обращения: 12.10.2017).

Костина, А. В. (2008) Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования. М. : Издательство ЛКИ. 288 с.

Межуев, В. М. Как возможна философия культуры? [Электронный ресурс] // Российский институт культурологии. URL: http://www.riku.ru/lib/fil_zk/mezhuev.htm (дата обращения: 12.10.2017).

Перепись выявила в России хоббитов, эльфов и скифов (2002) [Электронный ресурс] // [Newsru.com](http://www.newsru.com/russia/). 14 октября. URL: http://www.newsru.com/russia/14oct2002/perepis_.html (дата обращения: 12.10.2017).

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70309010/> (дата обращения: 12.08.2017).

Россия в цифрах. 2016 (2016). Краткий статистический сборник. М. : Росстат. 543 с.

Седых, И. А. (2017) Рынок компьютерных услуг [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Центр развития. С. 6. URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2017/08/30/1173968059/Рынок%20компьютерных%20услуг%202017.pdf> (дата обращения: 12.09.2017).

Тоффлер, Э. (2003) Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ. 557 с.

Трифонов, А. (2005) В России рождаются новые народы [Электронный ресурс] // [Утро.ru](http://utro.ru). 31 марта. URL: <https://utro.ru/articles/2005/03/31/423218.shtml> (дата обращения: 12.10.2017).

Эрандил. География Среднеземья: принцип системы. Доклад на 1-м Большом Толкиновском Семинаре [Электронный ресурс] // Толкиновское общество Санкт-Петербурга. URL: <http://www.tolkien.spb.ru/erandil.htm> (дата обращения: 12.10.2017).

Юнг, К.-Г. (1994) Проблемы души нашего времени : пер. с нем. М. : Прогресс. 336 с.

Collier, P., Horovitz, D. (1989). Destructive generation: second thoughts about the sixties. N. Y. : Summit book. 352 p.

Verzola, R. (1997) Subject: Cyberlords: The Rentier Class of the Information Sector [Электронный ресурс] // <http://yjfdz.cn.nettime.org>. URL: <http://yjfdz.cn.nettime.org/nettime/DOCS/zkp5/pdf/markets.pdf> (дата обращения: 12.10.2017).

Дата поступления: 16.12.2017 г.

INFORMATISATION AND THE TRENDS
IN THE DEVELOPMENT OF THE 21ST CENTURY SOCIETY
A. V. KOSTINA
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

In the 21st century, a whole number of trends of the world community are potentially conflict-provoking. The newest technologies in the fields of communications, medicine, agriculture, industry, and environmental protection are advancing by leaps and bounds. The information-oriented society has generated a sequence of brand new phenomena – both positive and negative, which are analysed in this paper.

The technology development in various fields has a great influence on the human, society, and culture. Social and cultural relationships in the new type of the information era society include a complex of multidirectional trends. Social equality is increasing due to the availability of information as the main resource of information-oriented society. The phenomenon of digital inequality is appearing as a result of impeded access to knowledge: social connections are decreasing in the society that is based on the network principle; social lifting appears to be highly difficult. The society is becoming ultimately rational, but at the same time, mystical tendencies are flourishing in abundance, the mythologisation of social consciousness is becoming evident. Culture is playing an innovational role, but also the experience of traditional social structures is being actualised.

All of the above testifies to the complexity of modern social processes, of the nonlinearity of social development in general and the contemporary in particular. Living in such a society is rather difficult, but knowing its principle features allows one to use its complexity not only for personal, but also for common development.

Keywords: global development; technologies; virtualisation; social development; global issues; informational inequality; mythologisation; new Middle Ages

REFERENCES

Berger, P. and Lukman, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* : transl. from Engl. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).

Virtual'nye miry dlia bednykh, global'naia depressiia i nashestvie bednyakov iz pustyni (2017). *Ekonomicheskie izvestiia*, 13 May [online] Available at: http://news.eizvestia.com/news_technology/full/1305-virtualnye-miry-dlya-bednykh-globalnaya-depressiya-i-nashestvie-bednyakov-iz-pustyni-vosem-trendov-kotorye-vskore-izmenyat-mir (access date: 12.10.2017). (In Russ.).

Kakim budet «kurs vyzhivaniia» v mire budushchego. *Nakonu.ru* [online] Available at: <http://nakonu.com/2017/05/101062> (access date: 12.10.2017). (In Russ.).

Kastel's, M. (1999) Stanovlenie obshchestva setevykh struktur. In: *Novaia postindustrial'naia volna na Zapade. Antologiya* / ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Academia. 631 p. Pp. 494–505. (In Russ.).

Kontseptsiiia formirovaniia informatsionnogo obshchestva v Rossii. *Institut razvitiia informatsionnogo obshchestva* [online] Available at: <http://www.iis.ru/library/riss/> (access date: 12.10.2017). (In Russ.).

Korganbaev, Zh. (2016) *Ekonomika budushchego. Shest' trendov, kotorye izmeniat mir*. *LitSait.ru*, 19 October [online] Available at: <http://litsait.ru/proza/yesse-i-stati/yekonomika-budushchego-shest-trendov-kotorye-izmenjat-mir.html> (access date: 12.10.2017). (In Russ.).

Korotkov, A. V. Tsifrovoe neravenstvo v protsessakh stratifikatsii informatsionnogo obshchestva. *Informatsionnoe obshchestvo* [online] Available at: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/da782ae4eacfb804c3256efa003edb7b> (access date: 12.10.2017). (In Russ.).

Kostina, A. V. (2008) *Teoreticheskie problemy sovremennoi kul'turologii: idei, kontseptsii, metody issledovaniia*. Moscow, Izdatel'stvo LKI. 288 p. (In Russ.).

Mezhuev, V. M. Kak vozmozhna filosofii kul'tury? *Rossiiskii institut kul'turologii* [online] Available at: http://www.riku.ru/lib/fil_zk/mezhuev.htm (access date: 12.10.2017). (In Russ.).

Perepis' vyavila v Rossii khobbitov, el'fov i skifov (2002) *Newsru.com*, 14 October [online] Available at: http://www.newsru.com/russia/14oct2002/perepis_.html (access date: 12.10.2017). (In Russ.).

Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda. *Garant* [online] Available at: <http://base.garant.ru/70309010/> (access date: 12.08.2017). (In Russ.).

Rossia v tsifrakh. 2016 (2016). Kratkii statisticheskii sbornik. M. : Rosstat. 543 s. (In Russ.).

Sedykh, I. A. (2017) Rynok komp'iuternykh uslug. *Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaia shkola ekonomiki»*. *Tsentr razvitiia*, p. 6 [online] Available at: <https://dcenter.hse.ru/data/2017/08/30/1173968059/Rynok%20komp'iuternykh%20uslug%202017.pdf> (access date: 12.09.2017). (In Russ.).

Toffler, E. (2003) *Shok budushchego* : transl. from Engl. Moscow, AST. 557 p. (In Russ.).

Trifonov, A. (2005) V Rossii rozhdaiutsia novye narody. *Utro.ru*, 31 Mars [online] Available at: <https://utro.ru/articles/2005/03/31/423218.shtml> (access date: 12.10.2017). (In Russ.).

Erandil. Geografiia Srednezem'ia: printsip sistemy. Doklad na 1-m Bol'shom Tolkinovskom Seminare. *Tolkinovskoe obshchestvo Sankt-Peterburga* [online] Available at: <http://www.tolkien.spb.ru/erandil.htm> (access date: 12.10.2017). (In Russ.).

Iung, K.-G. (1994) *Problemy dushi nashego vremeni* : transl. from Germ. Moscow, Progress. 336 p. (In Russ.).

Collier, P. and Horovitz, D. (1989). *Destructive generation: second thoughts about the sixties*. N. Y. : Summit book. 352 p.

Verzola, R. (1997) Subject: Cyberlords: The Rentier Class of the Information Sector. <http://yjfdz.cn.nettime.org> [online] Available at: <http://yjfdz.cn.nettime.org/nettime/DOCS/zkp5/pdf/markets.pdf> (access date: 12.10.2017).

Submission date: 16.12.2017.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374–61–81. Эл. адрес: Anna_Kostina@inbox.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Professor, Director, Institute of Fundamental and Applied Studies; Head, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374–61–81. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru